

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье. 2-го Марта 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9325.

ВЕСНОЮ.

(Carte postale).

17...

Сегодня я вернулась изъ конторы раньше обыкновенного. Сижу у раскрытоаго окна, пересматриваю дневникъ и жду Збышко.

Теперь весна. Юная, блѣдная, робкая. Небо чутъ окрашено голубымъ отливомъ, прозрачно и молодо. Деревья пушисты, но еще не одѣты, земля влажна, сумерки прохладны. Есть что-то безпокойное, опьяняющее въ тонкомъ ароматѣ воздуха, въ тишинѣ улицъ.

Женщины полны нѣмого, тревожнаго вопроса. Ихъ движенья нерѣшительны, мягки, шаги пугливо-торопливы, какъ будто онъ спѣшитъ на свиданье.

Ихъ зоветъ улица прозрачными, весенними сумерками, волнуя чѣмъ то неразгаданнымъ, опьяня мимолетными жаркими, вопросительными взорами и полупросящей, полу-сожалѣющей улыбкой. Онъ любятъ безъ любви, онъ тоскуютъ безъ причины, онъ ждутъ, сами не зная кого и чего.

Цвѣты грустятъ за зеркальными окнами, томясь о солнечной ласкѣ.

Бѣлыя весеннія сумерки кутаютъ городъ.

Я думаю о моей веснѣ, которая уже не вернется..

Пришелъ Збышко. У него разсѣянный видъ и фіалки въ петличкѣ. Мы обмѣниваемся короткимъ поцѣлуемъ, и сердце сжимается. Самая мучительная агонія — это агонія умирающаго чувства.

Збышко сказалъ:

— Что это? Пишешь дневникъ?

Я поколебалась, потомъ отвѣтила.

— Да, Збышко, дневникъ... Отчего ты такъ удивленъ?

Онъ, по обыкновенію, презрительно фыркнулъ.

— Некуда дѣвать время? Займись сплетнями... все же забавнѣе.

Я возразила холодно, не замѣчая его грубости.

— Дневникъ удовлетворяетъ мой эгоизмъ и мое себялюбіе. Я такъ страстно люблю себя, что всѣ, даже ничтожные, факты изъ прошлаго, настоящаго составляютъ для меня крупный интересъ. Я не хочу забывать ихъ.

— И много написала?

— Порядочно.

— Охъ, вадоръ какой...

Збышко скучалъ, но я видѣла, что онъ не хочетъ уходить. Черезъ минуту причина выяснилась.

— У тебя была Габрѣля?

— Нѣть.

— Она зайдеть.

— Почему ты такъ думаешь?

— Я ее сегодня встрѣтилъ.

— А... вотъ какъ.

Збышко старательно вертитъ тросточку и рассматриваетъ ботинки. Что бы тамъ ни говорили, но мы, женщины, даже самыя впечатлительныя, лучше вѣремъ собою.

Замѣчаю не безъ колкости.

— Развѣ Габрѣля передумала уѣзжать?

— Да.. кажется.. впрочемъ не знаю.

Н. В. Чариковъ.

Новый товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ.

А. И. Чупровъ.

Извѣстный ученый и общественный дѣятель.

Скончался въ Мюнхенѣ, 24 февраля.

Въ комнатѣ тихо. Сладко пахнуть фіалки въ петличкѣ. Ярко блѣаетъ моя тетрадка на черной kleenкѣ стола.

Збышко вздрогиваетъ, отгоняя какую-то назойливую, мучительную мысль, и оживляется. Онъ такъ скучаетъ послѣднее время... Онъ страдаетъ безсонницей... Его заѣли сомнѣнія, денежная затрудненія, городская суэта.. И потомъ эти письма отъ жены..

Небрежнымъ жестомъ онъ выкидываетъ изъ бокового кармана цѣлую груду бѣлыхъ, четко исписанныхъ бумажекъ.. О, я знаю ихъ.. Наивныя, веселыя, заряжительно-чувственныя, какія-то опьяняющія...

Его жена живетъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, съ тремя малютками, и я видѣла на дняхъ ея послѣднюю фотографическую карточку.

© 1908, ПОДІЛЛІКІМЪ ВІНОГРАДОВЪ ФОТОГРАФІЯ

Милое, круглое личико съ косами во кругъ головки, какъ носили дѣвушки старой Польши. Совсѣмъ невинное выраженіе, только улыбка мечтательная, обѣщающая, теплая. Я не чувствую къ ней ничего, кроме самаго яркаго восхищенія. Мнѣ почему-то кажется, если бы она узнала о моемъ существованіи, то сказала бы весело, насмѣшило.

— Збышко, а она очень красива, эта.. дурная женщина?

Сонтецкій продолжаетъ, впадая все въ болѣе и болѣе минорный тонъ... Онъ мечтаетъ о Римѣ и готовъ поклясться, что только тамъ создастъ нѣчто сильное, законченное. Потомъ онъ беретъ мою руку, перебираетъ пальцы, осыпаетъ поцѣлуями и клянется любить меня до гроба. Я не вѣрю ни одному его слову, но мнѣ тяжело оставливаться на этой мысли. Думаю, что такая бездна горя не выкупаетъ нѣсколькихъ минутъ счастья. Да и какого же счастья? Послѣ столькихъ лѣтъ ожиданія, сомнѣній, тоски, борьбы, оно—измучено, блѣдно, жалко, мое счастье.

— Ну, какъ твои картина, Збышко? Онъ морщится.

— Вотъ чудачка!.. Невозможно же писать при такомъ настроеніи.

И, желая смягчить рѣзкость, добавляетъ.

— Почему ты не заходишь больше ко мнѣ въ студію?

Раньше я бывала ежедневно. Тѣмъ всегда много свѣта, бездна воздуха... почти всѣ картины Збышко не кончены, но такъ солнечны, такъ живы... Отвѣчаю, силясь улыбнуться.

— Хорошо... Я приду... съ Габрѣлей. Онъ горячо цѣлуетъ меня въ високъ.

— Ты — рѣдкая женщина, Теся.

Излюбленная фраза мужчинъ, когда мы умѣемъ закрывать глаза на ихъ слабости.

Въ дверь стучать.

— Можно войти?

Это Габрѣля.

Она чуть-чуть порозовѣла отъ быстрой ходьбы, и бѣлокурыя пряди волосъ непокорно лѣзутъ на уши, шею и лобъ. При видѣ Сонтецкаго Габрѣля не умѣеть скрыть довольнаго удивленія. Ей немножко непрѣтно, что мы явно любуемся ею, и она забивается въ уголъ, откуда бѣлѣетъ весеннимъ костюмомъ и нѣжнымъ овальнымъ личикомъ. Габрѣля принесла съ собою тонкую струю воздуха, дужковъ и какую-то неуловимую грусть, присущую всему красивому.

Я ей завидую... Она свободна, богата, независима... Въ ней есть тотъ внутренній холодокъ, то высокомѣрное презрѣніе къ людямъ, которое дѣлаетъ ее почти сильной, неуязвимой, и она живетъ, какъ хочетъ, по своей программѣ.

Безъ шляпы и жакета Габрѣля кажется меньше ростомъ. Она въ серебристо-блѣлой, мягкой, шелковой кофточкѣ, стянутой золотымъ, тяжелымъ поясомъ. Шелкъ красиво отливаетъ на ея хрупкихъ плечахъ и невысокой, молодой груди. Вынимаетъ изъ корзиночки вышиванье, предвигаетъ кругленький столикъ къ окну. Теперь вѣтеръ слегка вздымаєтъ ея волосы, а она щурится, говоря тихо.

Къ вопросу о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ на Балканскомъ полуостровѣ.

— Когда я шла къ вамъ сегодня, Тереза, мнѣ почему-то хотѣлось плакать.

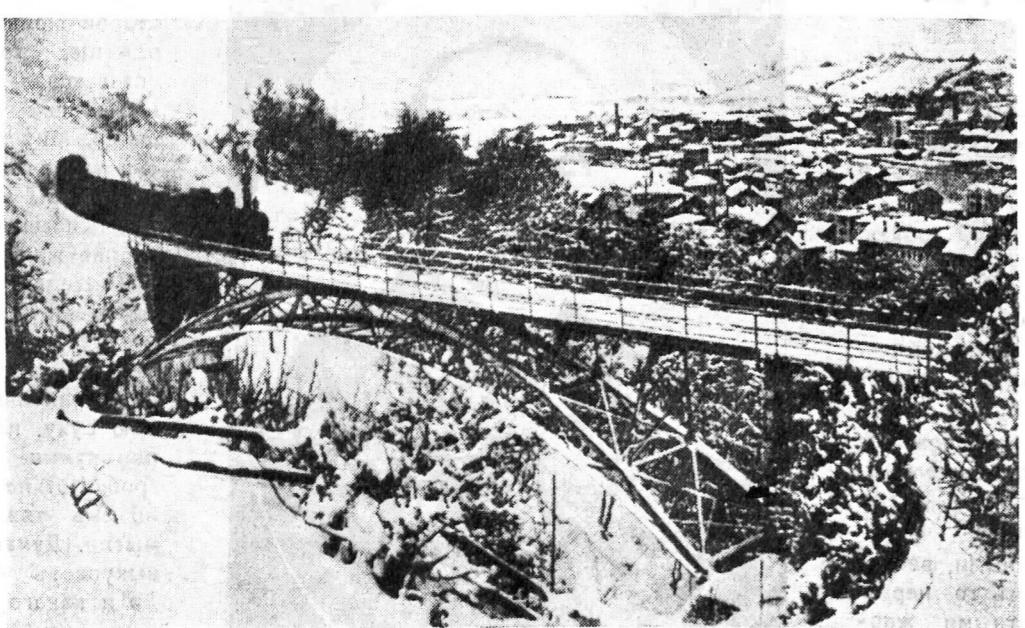
Ея маленькия руки роются въ шелкѣ,

Збышко предлагаетъ разскказать намъ одну изъ легендъ Франціи.

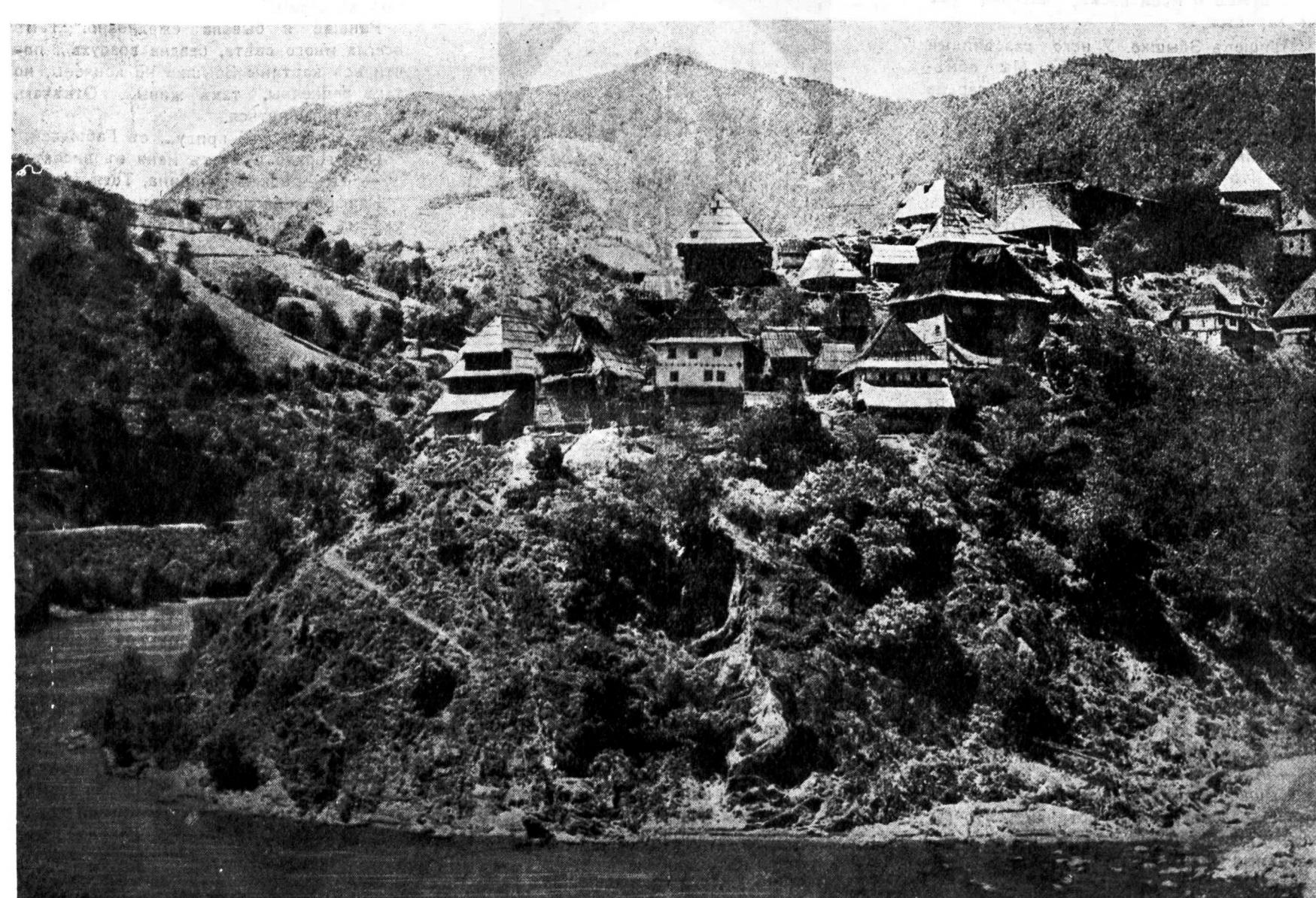
Збышко много путешествовалъ, но, если его разспрашививать, онъ отвѣтываетъ общими фразами и не идетъ дальше баханностей: — «Бретань... ахъ, эта страна вѣчнаго траура», — «Венеция... я задыхался въ ея влажной тишинѣ», и т. д. Я вспоминаю тогда плохой ученикъ географии. Неужели же въ немъ нѣтъ артистической чуткости? И опять-таки гоню анализъ, какъ гнали его съ первой встрѣчи.

Сегодня, впрочемъ, Збышко вѣдь ударѣ.

Габрѣля внутренно волнуется. Я вижу, какъ на ея блѣдныхъ шекахъ выступаютъ яркія, неровныя пятна, а глаза вся время опущены внизъ. Рѣсицы у нея густы и совершен-

Желѣзодорожный мостъ при входѣ въ Сараево.

Боснійское поселеніе на желѣзной дорогѣ.

но черны, отчего иные подозрѣваютъ ее въ употреблѣніи косметикъ. А она не кладетъ даже пудры.

Габрѣля неожиданно зааетъ вопросъ.

— Скажите, какъ нашъ кружокъ?

— Собрание назначено на среду... Обѣщаетъ быть многолюднымъ.

Мы называемъ залъ въ домѣ пани В. Мы, — т. е. небольшой кружокъ дамъ, художниковъ и юрисконсультовъ. Сокращаемъ время. Такъ, по крайней мѣрѣ, я понимаю эту мысль, другое же утверждаютъ, будто бы, организовывая подобный клубъ, кому-то и чему-то служить. Замѣчаю, не скрывая раздраженія.

— Покуда собрания носили интимный характеръ, было сносно. Шли въ гости, вотъ и все... Теперь имъ хотятъ придать видъ необходимости, чтуть ли не общественной важности, — и дѣлается смѣшно... Ненавижу всякие кружки...

Украинскія писательницы.

Потеря времени, пустая болтовня... Я больше туда не ходокъ.

Моя фраза дѣйствуетъ дурно на Збышко. Она морщится.

— Всегда чѣмъ-нибудь недовольна, всегда надѣль всѣмъ иронизируещъ... Нельзя же такъ.

И смотритъ на Габрѣлю. А та улыбается ему одними глазами.

Разговаръ обрывается. Намъ какъ-то душно втроемъ. Видимо, разстроенный, Збышко начинаетъ прощаться. Мы его не удерживаемъ. Я хочу ему шепнуть, чтобы онъ пришелъ позднѣе, что намъ нужно выяснить многое, но какая-то странная рабость мѣшаетъ мнѣ.

— Значитъ, завтра, въ кружкѣ, пани Габрѣля? говоритъ Збышко, тономъ ниже.

Олена Пчилка.

Христя Алчевская

Малыши.

Картина А. Д. Муратова на выставкѣ русскихъ акварелистовъ въ С.-Петербургѣ.

Шарманщикъ.

Картина В. М. Верешагина, на выставкѣ русскихъ акварелистовъ съ С.-Петербургѣ.

Она теперь смотритъ на него прямо и строго.

— Я не говорю ничего опредѣленаго.

Послѣ его ухода, Габрѣля работаетъ молча. Сначала все медленнѣе, все нехотнѣе, потомъ что-то путаетъ, расправляетъ.

Внезапно спрашиваетъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Можно поговорить съ вами откровенно, Тереза?

Я не удивляюсь... Я жду этого давно.

— Да, конечно...

— Что вы теперь дѣлаете? Какъ живете?

— О... контора... книги... кружокъ... Усталость парализуетъ меня. А вы?

— Я уѣзжаю... едва-ли верчусь сюда коро.

— Вотъ какъ...

Габрѣля понижаетъ головъ.

— Вы его очень любите?.. Збышко?

— Да, очень, Габрѣля...

— Но развѣ онъ такъ непохожъ на остальныхъ? Чѣмъ онъ лучше вашего мужа?

Бормочу, стараясь улыбаться.

— Я его люблю... этимъ все сказано, дорогая...

Она качаетъ бѣлокурой головкой, забывая иголку и смотря въ окно на сѣрѣющую, пустынную улицу.

— Не его любите, Теся, мечту любите... Какъ бы я хотѣла, чтобы вы опомнились... очнулись... проснулись...

Кровь бросается мнѣ въ голову.

— А что будетъ тогда... потомъ?

— Нравственная свобода... новая мысли... превосходство равнодушныхъ... Много хорошо, Теся... Женщины не должны любить, если хотятъ быть свободными и счастливыми.

И продолжаетъ холонѣе.

— Я понимаю, вѣмъ тяжело... Бросить семью, бросить обществу перчатку, строить на одномъ человѣкѣ все... и... только для того, чтобы черезъ годъ разочароваться въ немъ... Жутко, но вполнѣ есте-

ственno... Збышко-увлекающійся, непостоянnyй человѣкъ... Не считайте меня свысмѣ врагомъ... Если не я, то все равно другая возьметъ его... Bien entendu...

Я молчу. Ея голосъ журчить переливчато, съ мягкой ироніей.

— Жизнь интересна только тогда, когда трагична... Меня всегда привлекаетъ страданіе... Если Збышко охладѣлъ къ вамъ, то это лишь потому, что онъ не понимаетъ васъ... bien entendu... И со мною... О, не думайте... Мы скоро разойдемся... Вы простите меня, я обожаю новизну... Не всякая изъ насъ умѣеть сказать «хочу и беру». А я говорю... Ну, что же, Теся, вы видите... я жду отвѣта.

Говорю почти спокойно.

— Въ свое время, дорогая Габрѣля, я взяла отъ Збышко все, что могла... А теперь бояться нечего. Худшаго не будетъ.

Темнѣеть. Силуэты деревьевъ почти черны. Поднялся блѣдный зябнущий мѣсяцъ. Сѣвѣко.

Габрѣля медленно одѣвается. Она говоритъ тепло.

— Вы не жалѣете о прошломъ?

— Нѣтъ... нѣтъ... мнѣ ничего не жаль... ничего. Счастье не длится вѣчность, если думать, что Збышко былъ моимъ счастьемъ.

— А какъ вѣмъ кажется будущее?

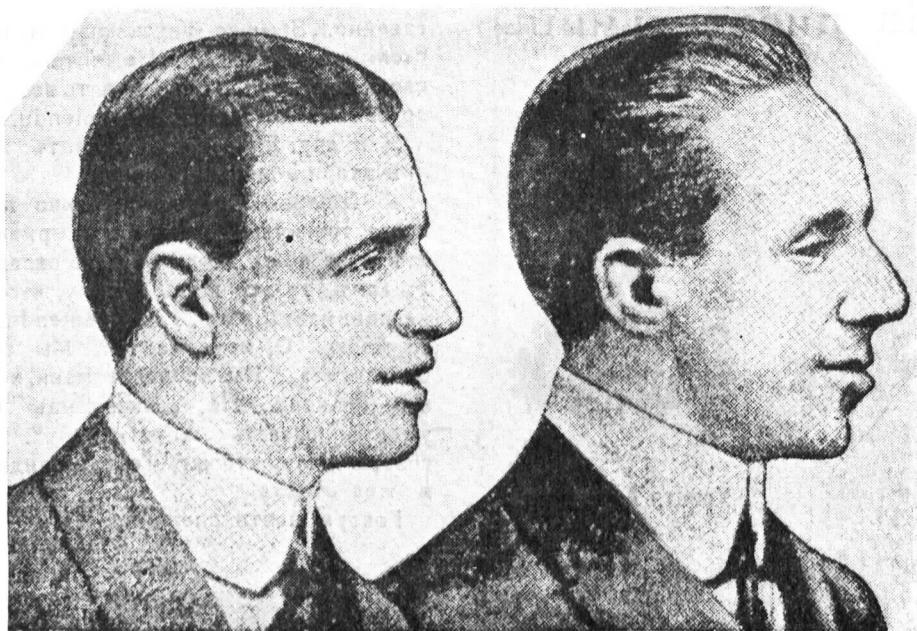
— Что до того, Габрѣля?

Мы прощаемся. Я знаю, она не вернется сюда больше.

Остаюсь одна. Работы много, но пустота и одиночество душатъ меня.

Впереди еще цѣлый вечеръ, цѣлая ночь... До разсвѣта далеко.

Анна Марь.

Альфонсъ Санцъ.

Альфонсъ XIII.

Альфонсъ Санцъ.

Единственный въ своемъ родѣ судебный процессъ начался на дняхъ въ Испаніи: Альфонсъ Санцъ, молодой человѣкъ, 28 лѣтъ, представилъ документальная доказательства того, что онъ—сынъ покойного короля, Альфонса XII и очень известной въ свое время певицы, Элены Санцъ.

Наружность Санца бросается въ глаза, благодаря его удивительному сходству съ нынѣшнимъ королемъ Альфонсомъ XIII.

Опираясь на старинный испанскій законъ, по которому незаконные дѣти имѣютъ право носить фамилию отца и получаютъ изъ отцовскаго состоянія часть, вдвое меньшую той, которая достается на долю каждого изъ законныхъ дѣтей, Санцъ требуетъ, чтобы ему былъ присвоенъ титулъ принца Бурбонскаго и выдана часть состоянія покойного короля, на томъ основаніи, что Альфонсъ XIII владѣетъ $\frac{1}{3}$ отцовскаго капитала, исчисляемаго въ 300 миллионовъ франковъ. Санцу была предложена пожизненная пенсія въ 1,200 франковъ въ мѣсяцъ, съ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ мысли вести дѣло судебнаго порядкомъ и предавать огласкѣ, но Санцъ не согласился.

Сада Іакко.

Сада Іакко (Sada Jakko)—лучшая драматическая артистка въ Японіи. На-дняхъ она приѣхала въ Парижъ со своимъ мужемъ, директормъ театра въ Токіо, для изученія европейскихъ пьесъ и ихъ постановки.

«Японскій театръ», говоритъ Сада Іакко интервьюировавшему ее журналисту, теперь на пути къ реформѣ. До сихъ поръ у насъ существовало два рода театровъ: Въ однихъ труппа состояла исключительно изъ мужчинъ, въ другихъ—изъ женщинъ. Такимъ образомъ, мужчинамъ приходилось исполнять женскія роли — и vice versa. Пьесы ставятся только изъ японской жизни. Теперь мы хотимъ прежде всего имѣть театръ со смѣшанной труппой, затѣмъ поразнообразить нашъ репертуаръ постановкой тѣхъ европейскихъ пьесъ, которые намъ покажутся наиболѣе интересными».

Сада Іакко
(Sada Jacco).

Анатоль Франсъ.

Анатоль Франсъ.

Анатоль Франсъ работалъ надъ своей книгой, которую онъ самъ называетъ «Экскурсіей въ область прошедшаго», цѣлыхъ 15 лѣтъ, тщательно изучая эпоху и мѣстность, въ которой жила и дѣствовала Жанна д'Аркъ.

На вопросъ журналиста,—что побудило его бросить современные темы и положить столько труда на разработку исторической,—такой избитой и много разъ трактовавшейся,—Анатоль Франсъ отвѣтилъ: насколько популярно имя Жанны д'Аркъ, настолько неизвѣстна она сама, какъ историческая личность.

Въ хаосѣ множества легендъ и преданий затерялся истинный образъ Жанны. Я постарался сдѣлать все, что было въ моихъ силахъ, чтобы освѣтить его какъ можно правдивѣ. Чтобы отличить, насколько возможно, дѣствительность отъ вымысла, мнѣ нужно было стать на точку зрѣнія современника Жанны д'Аркъ, перенестись въ отдаленную эпоху XV вѣка; для этого надо было не столько знать, сколько сумѣть забыть то, что знаешь—все, что сдѣлала культура за послѣдующія 500 лѣтъ. Это-то и было самое трудное въ моей экскурсіи; насколько оно мнѣ удалось вообще—не знаю».